

Игорь Белошевский

Поганая Молодежь

Чтобы красиво танцевать,
нужно красиво одеваться

Игорь Белошевский
Поганая Молодежь.
Чтобы красиво танцевать,
нужно красиво одеваться

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33392773

ISBN 9785449084156

Аннотация

Между двумя точками отсчета все меркнет и становится незначительным. Это как полет пули, разрезающей на своем пути воздух от момента удара бойка по капсулу до попадания в цель. В масштабах вселенной, человеческая жизнь, смориться именно так. А нам все кажется, кажется, что покупка пары туфель меняет жизнь к лучшему. Кажется, что увеличение нулей на счете в банке дает право на счастье. Таракану тоже кажется, что он живет, только жизнь его – возня в помойке. Но даже это, всего лишь кажется...

Содержание

1. ЛЮБОПЫТСТВО	5
2. РОКИРОВКА СИЛ	9
3. КИЛИН ПАРКУР	15
4. ОПЕРАЦИЯ «ТОТАЛИЗАТОР»	31
5. ПОДВИГ	43
6. ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОГО ЗАБОРА	58
7. СТАНЦИЯ СОРТИРОВОЧНАЯ	63
8. БАЛАБОЛ-ФМ	69
9. ВТОРОЙ ТУР	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Поганая Молодежь
Чтобы красиво танцевать,
нужно красиво одеваться

Игорь Белошевский

© Игорь Белошевский, 2019

ISBN 978-5-4490-8415-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. ЛЮБОПЫТСТВО

Мутный свет от фар автомобиля, давал такой обзор пространства, какой только и может открыться ребенку из-под картонного козырька шапки «буденовки», связанной по бесплатному приложению к журналу «Работница» за тысяча девятьсот восемьдесят пятый год.

На белом снегу, недалеко от автомобиля с тарахтящим дизельным двигателем, можно было без труда распознать несколько свежерытых прямоугольных ям. Перед этими ямами стояли гробы обитые красным сукном. Возле гробов, на морозе, толпились крепкие мужские силуэты в коротких темных дубленках и меховых кожанках.

Среди собравшихся был один человек, выглядящий на общем фоне, как-то по особому. Он был одет в широкие черные одеяния с длинными, ниже ладоней, широкими рукавами, а на его голове, домиком восседала малюсенькая шапочка. Этот человек, размахивая дымящимся кадилом на длинных цепях, то скрывался в темноту, то снова маятником возвращался из нее обратно.

Когда гробы на веревках, один за одним, опустили в ямы, мужские силуэты стали пересекать зону света, и затем, растворяться в темноте, добавляя в ровную симфонию тарахтящего автомобиля, новый звук, звук мерзлого грунта, разбивающегося о деревянную крышку гроба.

После того, когда все тени окончательно перекочевали в темноту, гробовщики, лопатами, принялись неспешно засыпать могилы.

– Ну, что, братва, помянем, – прогремел своим басом в темноте чей-то хриплый голос.

Затем послышался звук открывающегося багажника машины. Салон джипа, припаркованного возле дороги, озарился неярким желтым светом. После недолгой паузы из все той же темноты донесся еще один хриплый голос:

– А я Сахиба по спорту запомнил, – сказал собеседник и подошел к джипу, – Вместе тренировались одно время. В 90-м он приехал из Литвы, искал под кого встать, чтобы бизнесом заняться. Увидел, что настоящего лидера в городе нет, ну и начал сам крутить, потом вот, с Крюком связался.

– Саранча – тоже толковый был, – произнес другой голос.

– Но и как все мы, не без недостатков, – сказал еще кто-то из все той же темноты, – Вместе на «семере» с ним одно время чалились, там и сошлись ближе. Жаль терять таких людей.

После этих слов я оглянулся, и встревоженно посмотрел в ту сторону из которой доносились голоса бандитов, но вместо того, чтобы отправиться дальше вниз по кладбищенской дороге, прочь от этих похорон, я подошел к краю одной из могил, и облокотившись на свои алюминиевые санки, заглянул в яму. Из-за моей спины по-прежнему доносились голоса:

– Характер у Сахиба всегда был будь здоров, а вот мозги не очень хорошо варили, – продолжил свой рассказ кто-то из бандитов, – Спортсмен ты, или нет, неважно. Как ты не окрашивайся, хочешь жить круто, надо и жизнью круто рисковать. Я так это еще после первого срока понял. Взял «ствол» – и гоняй, хоть кого, хоть борцов, хоть боксеров. Раньше, когда со «стволом» еще никто не работал, так брали с собой на разборки по двадцать человек, а я бывало прямо с бабой своей приезжал, молодые были, всё до балды. Расстегну куртку, руку положу на «Макар», восемь патронов в обойме, один в стволе, палец на спусковом курке. Демонстративно железкой щёлкну, и все. Вот так-то...

В воздухе повисла пауза, затем кто-то из бандитов, голосом незамысловатого философа недоучки, опять вступил в разговор:

– Жалко пацанов. Такие как мы к спокойной жизни не приспособлены. Мы – хищники. А вокруг – копытные, но и хищникам иногда...

Возможно, что таинственный философ поведал бы этому миру еще какую-нибудь интересную мысль, но его речь была оборвана звонким детским криком:

– В сторону!!! Расступись!!! – проорал мальчик.

Я обернулся и увидел, как через прожекторы света от автомобильных фар, по дороге промелькнул, несущийся сидя в санках, силуэт ребенка.

– Берегись!!! Зашибу!!! – орал во всю мочь мальчик, пы-

таясь совладать с управлением своих салазок.

В ту же секунду, я почувствовал, как на моей спине в кулак сомкнулись пальцы чьей-то огромной руки. Рука взяла меня сзади за воротник пальто, с аккуратно нашитым на кармане дермантиновым грибом, выполнявшим роль заплатки, и резко оторвала от земли.

Еще через секунду, этот таинственный «кто-то», вращал меня в воздухе, прямо вместе с зажатыми в моих руках санками, пытаясь рассмотреть, словно я был какой-то пиджак на вешалке.

От охватившего меня страха, и от слепящего света автомобильных фар, мои детские ручонки ослабли, земное притяжение победило, а алюминиевые санки выскользнули из ладоней и воткнувшись в снег своими острыми полозьями.

2. РОКИРОВКА СИЛ

Своего друга – Колю Азарнова, непосредственного участника всех событий изложенных и выше, и ниже, дальше я буду называть по его детскому прозвищу – Медведь. Так будет проще и для самого повествования, и для меня лично.

В школьные годы, прозвище – Медведь, очень емко и точно характеризовало своего обладателя, за исключением лишь одного небольшого, но существенного нюанса. В дикой природе, медведь – свирепое и опасное животное, а Коля Азарнов, напротив, всегда производил на окружающих обратное впечатление. Одного взгляда, на широкое, вечно улыбающееся лицо Николая, всегда было достаточно, чтобы разгадать все его намерения и замыслы на месяц вперед, а может быть, даже и дальше.

Прозвище Медведь, Коля получил скорее из-за своего огромного роста и богатырского телосложения, нежели характера. Внушительные физические параметры мальчика, делали его немного неуклюжим, и всегда выделяли на фоне остальной, неспелой грозди моих одноклассников.

Если природа что-то дает человеку, то, что-то, она и не до даёт. К третьему классу нашей поселковой школы, Медведь, уже два раза умудрился остаться на второй год, чего он очень стыдился, и при любом возможном случае, всегда пытался скрыть этот общеизвестный факт своей биогра-

фии. Таков был Медведь.

Я, наоборот, рос чухлым интеллигентным заморышем, воспитываемым книгами из местной библиотеки и бабушкой Раисой Никифоровной. Своих родителей я никогда не видел. Воспоминаниями о них, мне служили две пожелтевших фотографии, что стояли в доме на серванте.

На одной из этих фотографий была запечатлена улыбающаяся девушка в стройотрядовской куртке песочного цвета и черных кирзовых сапогах. Девушку обнимал статный мужчина в тельняшке. В зубах у мужчины была зажата папироса «Беломорканал», а в углу фотографии, красовалась надпись: «На память о картошке. 1985 год. НИИ ОХИЗ. г. Ленинград.»

На второй фотографии, был запечатлен кричащий младенец – я, который, судя по похожести надписей в углу: «г. Ленинград. 1985 год., Роддом №7.», – тоже, остался на память о «картошке», после которой, мои родители отправились строить коммунизм на другую комсомольскую стройку, напроць позабыв о моем существовании.

Все свое обучение, в средней образовательной школе имени «Наталии Орейры», мне почему-то всегда вспоминается, как что-то очень уютное и в тоже время удивительно серое. Школьные будни всегда были похожи один на другой, и, из года в год, тянулись неизменно медленно, беспощадно уничтожая отрывной календарь детства.

В один из таких ничем не примечательных унылых серых

дней, наш классный руководитель – Зоя Семеновна Трубецкая, по обыкновению сидела за своим учительским столом и оглашала оценки за контрольные работы по математике.

– Гогинцев пять, молодец, – произнесла Зоя Семеновна, и затем, немного погодя, добавила, – Впрочем, как обычно.

Зоя Семеновна положила в сторону мою работу, взяла в руки следующую контрольную.

– Килин, – протяжно произнесла учительница, разглядывая писанину ученика, – Вижу, что-то решал, точнее пытался решать, в этот раз... Ладно, Артем, поставлю тебе тройку для разнообразия, авансом, так сказать.

После этих слов педагога, довольный Артем Килин, которого для более привычного повествования, в дальнейшем, я буду называть по его школьному прозвищу – Киля, поднял руки к потолку, и принялся бессловно ликовать, подобно футболисту, забившему гол в ворота соперника.

В отличие от меня, Киля, совсем не был ребенком голодной судьбы. Папа «стармех» на рыбацком судне БМРТ, мама – работник местной администрации. В благополучной жизни Кили всегда и всего хватало настолько, что мальчик, еще в школе, стал постояльцем детской комнаты, совсем не детской милиции. Реальных причин своего поведения думать не знал и сам ребенок, просто было что-то в его характере такое, дерзкое, что не давало покоя ни ему, ни школьному завучу Зарецкой, ни местному участковому милиционеру.

Зоя Семеновна взяла в свои руки очередную контрольную

работу:

– Азарнов! – громко произнесла Зоя Семеновна.

Ученик Медведь, которому принадлежал данный математический труд, сразу востроился, как будто к его стулу вдруг подали разряд электричества. Зоя Семеновна, от листка с контрольной, недовольно перевела свой взгляд на нерадивого ученика и сказала:

– Ну, тут у нас твердая двойка, – сказала Зоя Семеновна.

Медведь молча встал из-за парты и виновато воткнулся своим взглядом в пол, а учительница продолжила:

– Третья двойка Коля, третья. Как тебе только не стыдно, Азарнов, маму твою жалко, все ходит к нам в школу и ходит, за тебя на педсоветах все просит и просит, чтобы перевели тебя лоботряса в следующий класс, а ты... Эх ты... Что же мне с тобой делать? – задумчиво произнесла Зоя Семеновна.

Медведь виновато пожал своими громадными плечами и продолжил рассматривать крашенный пол класса. В воздухе повисла пауза. Зоя Семеновна на минуту ушла в себя, а затем, вдруг, произнесла:

– А давай, мы к тебе Гогинцева пересадим, – неожиданно сказала Зоя Семеновна, – Он у нас отличник, пусть и поможет товарищу.

По хитроумному плану Зои Семеновны, моя пересадка к отстающему сразу по всем предметам ученику, должна была каким-то положительным образом сказаться на его успеваемости, но забегая вперед, отмечу, что время показало со-

всем обратные результаты.

С Медведем мы сдружились моментально, и уже, на том же уроке, вместе были выставлены из класса в коридор, где по другому замыслу педагога, должны были быть схвачены завучем Зарецкой, дежурившей в этот день по школе. Причиной нашего выдворения из класса стал ученик Киля, который забавно иллюстрировал своим вольным сурдопереводом, Зою Семеновну, объяснявшую классу новую тему урока.

Сидя в коридоре на подоконнике, Медведь достал из своего кармана продолговатую лазерную указку, похожую на пулю, и направил ее в темный угол лестничного пролета. В стену ударил яркий красный огонек, похожий на снайперский прицел.

– Видел такую у кого? – сказал Медведь и протянул мне в руки это чудо техники.

Лазер был изрядно потертый, но довольно редкий, и может быть даже привезенный из морского рейса, чьим-нибудь заботливым папой. Я покрутил указку в своих руках, затем направил ее в даль коридора и нажал на маленькую кнопку, расположившуюся сбоку на торце изделия. На противоположной от меня стене зажглась яркая красная точка.

– Крутая вещичка? – спросил у меня Медведь.

Я кивнул ему в ответ головой, продолжая двигать красную точку лазера по стене.

– На сколько метров луч бьет? – деловито спросил я

у Медведя.

– Восемьсот, – также деловито ответил тот.

– Круто, – сказал я.

– Бери себе, дарю, – произнес Медведь и этим широким жестом окончательно укрепил начало нашей большой дружбы.

3. КИЛИН ПАРКУР

Девочки взрослеют гораздо быстрее мальчиков, это знает каждый. Но не каждый знает, что природа с раннего детства награждает будущих мужчин особой чертой, зреющей где-то в самых глубоких глубинах их мальчишеских душ.

Учительница физики – Тамара Викторовна Храмина, открыла окно в классе, и весенний ветер поднял в воздух длинные рыжие кудри Леры Скворцовой, сидящей прямо за первой партой. Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд с последней парты, особенным жестом руки, Лера кокетливо поправила прическу и улыбнулась.

В каждой школе есть учителя-легенды, а есть учителя о которых слагают легенды. Педагогу Тамаре Викторовне Храминой повезло и в том, и в другом случае. Тамара Викторовна считалась сильным физиком и славилась своей принципиальностью и дерзкими приемами преподавания предмета. В школе, за исключительную харизму, Тамару Викторовну называли не иначе как – Апача, в честь свирепого индейского племени. На свой творческий псевдоним, Апача, не обижалась, а даже наоборот, гордилась им, и считала, что именно он, выделяет ее среди серой массы других учителей.

«Джордано Бруно не раз повторял», – произнесла Тамара Викторовна в тот самый момент, когда девочка Лиза, сидящая рядом с Лерой, бросила мне скомканную записку,

но вместо адресата, послание угодило в голову Киле, и упало на пол. Киля вопросительно посмотрел на Лизу. Та, жестом дала понять, что письмо адресовано не ему, а мне, и скомканный листок тут же был переправлен уже в мою голову, отразившись от которой, также неудачно притаился между рядами парт.

Где-то в это же время, на другом конце школы, в сине-зелёном мундире с черными пуговицами, по лестнице, такого же черного, как и пуговицы, хода, что обязателен для каждой из школ, шел инспектор пожарной охраны – Павел Егорович Кривоцветов, появившийся сегодня здесь не случайно, а после того, как директор школы – Константин Петрович, позвонил маме ученика Кили – Ольге Петровне, грациозному работнику городской администрации, выбравшей сегодня из всего спектра женских духов мира, аромат-антидепрессант – «Premier Figuier», который несмотря на богатый, свежий и одновременно согревающий букет запаха, настроения собравшимся почему-то не добавлял.

– Ольга Петровна, я все понимаю, понимаю, что трудный подросток, что переходный возраст, но поймите и вы меня, – говорил тучный Константин Петрович, который семенящими шагами старался успеть за длинноногой комиссией.

Ольга Петровна и Константин Петрович остановились на лестничной площадке, а пожарный продолжил свое восхождение дальше вверх по ступенькам.

– Мальчик уже стоит на учете в детской комнате милиции,

инспектором он был направлен в спецшколу, а мы образовательное учреждение, а не колония, в конце концов поймите, мы дорожим своей репутацией, – после этих слов Константин Петрович, как бы извиняясь, развел руками.

Дойдя до вершины, ведущей на чердак, и не обнаружив ни единого нарушения, пожарник Павел Егорович глубоко вздохнул, затем похлопал себя ладонями рук по внутренним и внешним карманам мундира в поиске начатой пачки сигарет, и обнаружил оную в кармане брюк.

– Что там? Павел Егорович?! – спросила Ольга Петровна, пытаясь высмотреть, выпавшего из поля зрения, инспектора пожарной охраны.

Павел Егорович сделал несколько глубоких затяжек и выдохнул в атмосферу сигаретный дым.

– Нарушение, огнетушителя нет, и накурено, – строго сказал Павел Егорович, затем свесился через перила лестницы, чтобы показать Константину Петровичу якобы найденный окурок, который секундой ранее, еще был, затушенной о стену сигаретой.

Ольга Петровна довольно посмотрела на директора и произнесла:

– Я вас понимаю, Константин Петрович, и тоже прошу войти в мое непростое положение. Вы нам, кстати, еще компьютерный класс не показали, – тихо сказала Ольга Петровна, и затем уже громко, обратилась к пожарнику, – Спускайтесь, Павел Егорович, Константин Петрович нам еще ком-

пьютерный класс хочет показать.

Педагог Апача произносила свою речь перед учениками с наслаждением, а местами даже и упоением. Она расхаживала перед открытым окном класса так, что ее и без того, поднятая химзавивкой прическа, постоянно попадала под потоки весеннего ветра, и становилась еще больше похожей на индейский ирокез.

– Пусть эта поверхность будет какой угодно, – говорила Апача, – Но я всегда спрашиваю, что находится за ней?

Завершая свой пассаж классу, учительница оборвала речь практически на излете, и перевела свой взор от конспекта, в который заглядывала во время произнесения монолога, на ученика Килю:

– Артем, а тебя я вижу вопрос который так терзал Джордано Бруно совсем не беспокоит? – произнесла Апача, – Сюда неси, что ты там в Гогинцева бросил.

Киля поднял с пола скомканную записку Лизы и направился к учителю.

– Бесконечно пространство или нет? Является ли оно просто соотношением между материальными телами или существует независимо от них, само по себе? Вот вопросы, которые всегда ставились относительно такой сущности именуемой как «пространство», – сказала Апача, – Ньютон писал...

Киля подошел к учителю, положил скомканную записку на ее стол и уже хотел отправится обратно к себе за парту, но Апача его остановила:

– А вот, что писал Ньютон, ответит нам Артем Килин.

– Это новая тема, – пробурчал себе под нос Киля.

– Вот, ты и расскажи ее нам, на основании уже пройденного и изученного тобой материала. Своими словами. Поставь себя на место Ньютона, представь, что ты – это он, – предложила Киле Тамара Викторовна, и класс в ту же секунду разразился смехом. Расхохоталась и Скворцова Лера, а Киля наоборот, насупился, и стал смущенно рассматривать крашенный пол класса у себя под ногами. Киля не знал домашнего задания, ни того, что задавали вчера, ни того, что задавали на той неделе, а знал он только одно, знал он, что на его памяти, от Апачи, просто так, еще никто не уходил.

– Читай, – Апача протянула приговоренному к расправе ученику свой потрепанный временем конспект с выцветшей зеленой обложкой.

Киля стал читать:

– По положениям и расстояниям предметов от какого-либо тела...

– Громче Килин, что ты там мямлишь себе под нос, – рявкнула на ученика педагог.

– Я не могу громче, я после болезни, – попытался оправдаться Киля, и даже для достоверности своего вранья, слабо кашлянул в высокое горло шерстяного свитера.

Оправдание засчитано не было.

– Килин, не шути со мной, – пригрозила учительница, и затем снова приказала, – Читай!

Киля читал:

– Ньютон писал. По положениям и расстояниям предметов от какого-либо тела, принимаемого за неподвижное, определяем места вообще, затем и о всех движениях судим по отношению к этим местам. Таким образом, вместо абсолютных мест и движений пользуются относительными, в делах житейских это не представляет неудобства.

– Все ясно? – спросила Апача, – Килин?!

– Да, – неуверенно произнес Киля.

– Что тебе ясно? – переспросила учительница.

Киля кашлянул еще раз, повторно намекая Апаче на свой недуг, и затем тихо предположил:

– Ньютон считал, что в делах житейских это не представляет неудобства.

– Что не представляет неудобства? – серьезным тоном спросила Апача.

– Все, – робко ответил Киля.

– Это как?! – переспросила Апача.

Киля замолчал, житейские дела Ньютона ему знакомы, естественно, не были.

– В этом утверждении Ньютона, – произнесла Апача, – Есть некая неопределенность, которую признавал и сам великий ученый, и которая впоследствии положит начало теории относительности Эйнштейна.

После упоминания великого немецкого ученого, Апача остановилась у окна, попав своей химвывивкой под порыв ве-

сеннего ветра, хлынувшего волной в класс.

– Ох, Ольга Петровна, – обреченно вздохнул директор школы, – Дорогой вы мой человек. Как же вас не понять. Я вообще, искренне не понимаю, откуда у вашего Артема такое поведение. Такая замечательная мама, всеми уважаемый папа, и вдруг, направление из милиции в спецшколу.

– А огнетушителя и здесь нет, – громко повторил, проходя мимо директора пожарник Павел Егорович, сделав показательную пометку в своем журнале ярко оранжевого цвета.

Директор Константин Петрович бросил косой взгляд на огненный журнал инспектора и понимающе продолжил:

– Но все мы люди, – сказал директор, – Как же мне не войти в ваше непростое положение, Ольга Петровна. В конце концов, я тоже отец.

После этих теплых слов Ольга Петровна по-дружески приобняла Константина Петровича, и осмотрев пространство вокруг, произнесла:

– Идемте, идемте Константин Петрович, какие все-таки замечательные у вас в школе рекреации.

Лера встань пожалуйста из-за парты, – обратилась педагог Апача к Скворцовой Лере.

Лера встала.

– Итак, – сказала Апача, – Представим, что первый закон Ньютона, справедлив с позиции наблюдения Леры. Килин, что гласит первый закон?

Поверженный Киля молчал. Он совсем уже перестал от-

вечать на вопросы учителя, и смирившись со своей участью, просто разглядывал, то темный пол класса, то свои светлые кроссовки, то рогатого оленя на свитере Леры Скворцовой.

– Скворцова, что гласит первый закон Ньютона? – обратилась Апача к Лере.

– Первый закон гласит, – сказала Лера, – Если действие всех сил, действующих на тело, скомпенсировано, то это тело находится в состоянии покоя, или прямолинейного равномерного движения.

– Допустим Скворцова, что так оно и есть, – произнесла Апача, – Допустим, что ты, Килин, тело, которое движется. Двигайся Килин.

– Как двигаться? – раздраженно переспросил Киля.

– Прямолинейно и равномерно, – пояснила Апача нерадивому ученику, – Иди прямо, вдоль доски. Ну же, смелее!!!

Киля начал двигаться, а учительница снова продолжила:

– Легко видеть, что если существует такая площадка для наблюдения, как Скворцова, то существует еще и бесчисленное множество других, аналогичных площадок. Это может быть и Иванова, и Петров, и Хаджимуратова, а может быть, даже и Гогинцев.

Все названные фамилии, включая мою, подобно нажатым клавишам рояля, поочередно вжались в парты. Тамара Викторовна, довольная взятым аккордом, продолжила:

– Для удобства, назовем Леру – «неподвижным центром мира». Представим, что этот наш «центр», будет покоится.

Все представили? Гогинцев представил?

– Да, – ответил я и без промедления встал из-за парты.

– Как ты думаешь, с точки зрения ньютоновской динамики, Скворцова, будучи центром мира, может двигаться?

– Может, – четко ответил я.

– Почему ты так думаешь? – спросила учительница.

– Почему нет, – сказал я.

– У тебя хорошая интуиция, Гогинцев. С точки зрения ньютоновской системы, абсолютно безразлично, находится Лера в состоянии покоя или движется прямолинейно и равномерно, как например, Килин. Для системы – это одно и то же.

– Двигаться? – спросила Лера, предугадывая учительское задание.

– Нет Лера, стой на месте, – сказала Апача, – А вот Гогинцев, пусть двигается. Начинай Гогинцев!

Я вытянул руки в стороны и начал идти вдоль стены подобно канатоходцу. Лера взглянула на меня и улыбнулась. Увидев подаренную мне улыбку, низкорослый Киля, вдруг, остановился, точнее даже встал возле доски, как вкопанный.

– Килин, а ты чего застыл? – взбудрила Килю учительница, – Двигаемся, двигаемся.

Киля, подобно компактному штурмовику-перехватчику, заходящему снизу для атаки высоколетящего бомбардировщика, то есть меня, продолжил свое перемещение вдоль доски, и затем сместил вектор движения в мою сторону.

– С помощью элементарных операций сложения или вычитания, нетрудно доказать, – сказала Апача, – Что тело, то есть Килин,двигающееся относительно центра мира, то есть Скворцовой, будет равномерно перемещаться и относительно другой площадки, то есть Гогинцева, но...

Апача подняла указательный палец к потолку и затем, после психологической паузы, целью которой было подогреть интерес класса к происходящему, продолжила:

– И с точки зрения Гогинцева, все законы динамики Ньютона будут тоже справедливы. Другими словами, абсолютно невозможно определить кто здесь движется, а кто покоится, и где вообще находится этот наш центр мира. Центр мира нельзя установить в рамках системы Ньютона, его можно только постулировать, то есть, мы с вами, можем договориться, что Скворцова покоится, а Килин и Гогинцев движутся относительно нее, или Килин покоится, стой Килин, а Скворцова и Гогинцев движутся.

Киля замер в шаге от меня, так и не достигнув своей цели, а я ухмыльнулся и спикировал в обратном направлении.

– И Азарнов движется, – обратилась Апача к мирно спящему на последней парте Медведю.

Медведь поднял свою голову с парты и окинул взглядом происходящее.

– Азарнов, не спи! – громогласно рявкнула Апача, – Встать из-за парты, когда учитель к тебе обращается.

– Почему сразу я? – возмутился Медведь, но послушно

встал из-за парты, потирая заспанное лицо.

– Иди на первый этаж за мелом, – строго произнесла Апача, – Разбуди себя для великих дел,.

Выйдя из класса Медведь увидел в конце коридора сутулую директорскую спину, окруженную комиссией из двух человек.

Посетив компьютерный класс, на переоборудование которого местная администрация все никак не спешила выделять деньги, пожарная инспекция подошла к доске со школьным расписанием и остановилась.

– Спасибо вам большое, Ольга Петровна, как всегда нас спасаете, – добродушно произнес директор школы.

– Ну, Константин Петрович, пустое, мелочи жизни, – не менее добродушно ответила директору работник городской администрации Ольга Петровна.

– Ну, как же мелочи, Ольга Петровна, святой вы наш человек, – продолжил свои любезности директор, проводя пальцем по расписанию в поисках 10-го «В» класса.

– Насчет компьютеров, будьте спокойны, будут, в конце концов эта инициатива самого Павла Эдуардовича. Сегодня же их там всех пошевелю, – еще раз подбодрила директора Ольга Петровна.

– Огромнейшее вам спасибо, Ольга Петровна, только вы и выручаете, – довольно ответил директор, – У Артема физика сейчас, у Апачи...

– У кого? – изумленно переспросила Ольга Петровна.

– У Тамары Викторовны Храминой, – после неловкой паузы ответил директор, – У учителя физики, нашей легенды, педагога, так сказать, от...

Ольга Петровна вопросительно посмотрела на директора, и не дав ему закончить, спросила:

– А почему, вы назвали ее – Апача?

В воздухе над 10-В классом повисло гробовое молчание.

– Где в нашей повседневной жизни можно ощутить закон сложения скоростей? Кто скажет? – спросила у класса Апача еще более настойчивым тоном.

Класс по-прежнему молчал.

– Что? Никто не знает? – удивленно переспросила Апача, – Хорошо. Кто отвечает, тому сразу ставлю пятерку.

– В четверти? – вырвалось у меня.

Класс засмеялся, а Апача, вместо того, чтобы наказать меня, почему-то неодобрительно посмотрела на Килю.

– Пока только в дневник и журнал, Гогинцев, – сказала учительница, – Ну, Скворцова, давай, отвечай.

– Ощутить закон сложения скоростей можно, например, путешествуя на поезде, когда мимо нас проходит другой состав, – ответила Лера и отвела от лица прядь кудрявых волос, мешавших ей обзору пространства.

– Правильно, молодец, – произнесла Апача.

Апача склонилась над школьным журналом и четким подчерком напротив фамилии Леры вывела аккуратную «пятерку», исправив тем самым полученную на предыдущем уроке

«двойку».

– Вот видишь Скворцова, один раз стоит поставить тебе «двойку», и твоя успеваемость сразу идет в гору, сегодня ставлю тебе «петерку», молодец, – сказала Апача, – Гогинцев, а за твою интуицию, сегодня поставлю тебе «тройку», садитесь все.

Я, Лера и Киля отправились по своим местам, а Апача продолжила свой философский монолог.

– Движемся мы или покоимся? А если движемся, то относительно чего?

– Килин, а ты это куда удалился? – удивленно спросила Апача у подошедшего к своей парте Киля, – Я тебе оценку за урок еще не поставила.

– Ну вы же сказали...? – подал голос Киля.

– Что я сказала? – прервала ученика Апача.

– Ну, это, – неуверенно произнес Киля, – Садитесь...

– А двойку ты исправлять собираешься? Килин? – спросила Апача.

– Какую двойку? – удивился Киля.

– Очередную, которую я тебе поставила, за незнание первого закона динамики, а это домашнее задание, между прочим, – сказала Апача, – Бери мел у Азарнова, будем делать из тебя второго Джордано Бруно.

Класс снова засмеялся, и Скворцова Лера тоже, а вошедший в помещение Медведь, по-дружески, похлопал Килю по плечу и протянул ему мел.

Киля посмотрел на класс, на Апачу, на меня, задержался взглядом на Лере, взял в руку мел и спокойно подошел к доске.

– На ленту транспортера, перпендикулярно направлению ее движения, соскальзывают консервные банки. Путь банки, по ленте, – диктовала Апача условие задачи, а Киля стоял за спиной у учителя и совсем ничего не писал на доске, и вдруг:

– А вот так ваш Джордано Бруно, может!!! – заорал на весь класс Киля, бросил в меня мелом, и отпружинив от пола своими белыми кроссовками, ловко запрыгнул на подоконник окна.

Не успели мы опомниться, как Киля уже, оттолкнувшись ногами от подоконника, прыгнул в открытое окно второго этажа нашей поселковой школы.

Над классом повисла тишина. Бледная Апача молча подошла к окну, закрыла его, затем взялась двумя руками за голову и пулей устремила из класса.

В директорском кабинете, что был на первом этаже школы, царил атмосфера дружбы и немного веселья. Ольга Петровна и Константин Петрович, сидя за столом, громко смеялись, пили чай с бергамотом и немного «Рижским бальзамом». Инспектор пожарной охраны – Павел Егорович, ходил перед ними и, эмоционально жестикулируя руками, рассказывал о подвигах своей профессии:

– Огонь всюду стеной, тут горит, там горит, а мой напар-

ник мне вдруг и говорит, бросила она меня, бросила, женщины глупы, но кроме телеведущей Дарьи Златопольской, а кругом огонь и . . . , – произнес Павел Егорович, но не смог довести свою мысль до логического завершения, так как его слушатели с застывшими на лицах масками ужаса бросились к окну, за которым приземлился ученик Киля.

Все школьники, что были в тот момент в классе физики, окружил стол педагога Апачи. Я открыл журнал успеваемости, лежащий у учителя на столе.

– Где список, быстрее список! – крикнул я на весь класс.

– Не ори, – сказала Лиза, – Аронова, ставь «четверку», на прошлую неделю ставь.

Я перевернул лист школьного журнала и не менее четким подчерком, каким обычно выводила нам «двойки» Апача, нарисовал положительную оценку.

– Килин, – продолжила Лиза.

– Тут я знаю, – сказал я, и вывел после каждой «двойки», полученной Килей, по «пятерке», закинув еще парочку «отлично» и на другие листы журнала.

– Скворцова, – сказала Лиза, – Лера, тебе ставить еще одну «пятерку»?

Лера ничего не ответила, она стояла у окна обдуваемая весенним ветром и куда-то отрешенно смотрела.

– Скворцова! Так ставить или нет? – повторил вопрос уже я, и посмотрел на Леру.

– Нет, не надо, я уже исправила «двойку», – сказала Лера,

отошла от окна и направилась к выходу из класса.

4. ОПЕРАЦИЯ «ТОТАЛИЗАТОР»

Все было как всегда. В длинных крашенных коридорах школы шумели первоклассники, а за кирпичным углом спортзала, с кое-где отбитой на стенах штукатуркой, по обыкновению, старшеклассники дымили сигаретами «Winston».

Сложившуюся гармонию привычных будней, нарушила завуч Зарецкая, вдруг, вспомнившая о переоборудовании компьютерного класса, которое началось еще в прошлом учебном году, и которое, так и не было доведено до победного финала.

– Класс информатики совершенно пустой, – сказала Зарецкая, гордо встав в полный рост во время очередного педсовета, – Старые ламповые компьютеры, согласно предписанию выше, по санитарным соображениям, мы демонтировали, а новых, до сих пор нет.

Зарецкая подняла указательный палец правой руки вверх и пристально посмотрела на директора школы Константина Петровича, который восседал перед собравшимися во главе стола, в своем раритетном кожаном кресле с облезлыми подлокотниками. Директор, в свою очередь, не менее пристально посмотрел на завуча Зарецкую, а затем, задумчиво перевел свой взор в сторону окна. За окном природа откликнулась на ход мыслей Константина Петровича и сентябрьский

ветер, своим порывом, моментально сорвал остатки желтой листвы с крохотной осинки, притаившейся чуть в стороне от размашистых зарослей дикорастущих кленов школьного двора.

Возникшую в разговоре паузу заполнила завуч Зарецкая.

– Педагог Зоя Семеновна жалуется на невозможность проводить уроки по информатике, – сказала Зарецкая, – По этому важному и нужному для ребят предмету. После выпуска, наши школьники просто не смогут на вступительных экзаменах конкурировать с городскими. Вы это понимаете? Константин Петрович?

Константин Петрович, сохраняя спокойствие, встал со своего директорского кресла, медленно заложил руки за спину, задумчиво подошел к окну кабинета.

В воздухе снова повисла пауза. После возникшей минуты молчания, Константин Петрович развернулся лицом к педсовету, и лично к завучу Зарецкой, и спокойно произнес:

– Все деньги, предназначавшееся на переоборудования кабинета информатики, ушли на покупку фасадной акриловой краски, а эта штука, совсем не дешевая, смею вас заверить.

– И что вы предлагаете? – ехидно спросила Зарецкая.

К такому абордажу, Константин Петрович теперь уже явно был готов. Он отошел от окна, сел в кресло и еще более спокойным тоном произнес:

– Будем проводить уроки информатики без использова-

ния персональных компьютеров.

– Как вы себе это представляете? – возмутилась Зарецкая.

– Зоя Семеновна сильный педагог, – произнес Константин Петрович, – Пусть ученики пишут алгоритмы программ на листках, затем сдают их учителю на проверку. Педагог будет проверять работы и ставить соответствующие оценки. Вот и все.

Зое Семеновне роль суперкомпьютера пришлось явно не по вкусу. Даже в советское время, она пользовалась перфокарточной техникой, и поэтому теперь, на рубеже нового тысячелетия, по интеллигентному робко, учительница решила протестовать.

Во время первого урока информатики, когда согласно программе обучения, мы должны были знакомиться с устройством персонального ЭВМ, класс дружно отправился к единственному существующему в школе компьютеру, который находился в директорском кабинете.

В тот раз, Константин Петрович послушно впустил нас в свои апартаменты, но из такого внезапного визита, он все же сделал соответствующий вывод, и уже второй наш урок информатики потерпел полное фиаско. Зоя Семеновна, как и в первый раз привела весь наш класс к директору, но его кабинет банально оказался закрыт на ключ, а самого Константина Петровича в тот момент просто не было на рабочем месте.

– Он уехал в центр по административным вопросам, –

сообщила информацию, Зое Семеновне, худосочная секретарша директора, нанося тоненькой кисточкой черный лак на один из длинных ногтей своей левой руки.

Зоя Семеновна не сдавалась, и на следующем уроке информатики мы снова навестили директорский кабинет.

– Уехал на семинар по вопросам образования, – спокойно ответила секретарша, в этот раз уже докрашивая ноготь на среднем пальце правой руки.

Каждый урок информатики, Зоя Семеновна предпринимала все новые и новые попытки проникновения к директорскому компьютеру, которые терпели крах одна за другой. Кабинет оставался неприступным бастионом, а сам директор все время находился в разъездах и всевозможных общественных нагрузках. Постепенно учительский энтузиазм сошел на нет, а для нас, сельских учеников, словосочетание «персональный компьютер» превратилось во что-то далекое и неизведанное, как полет Гагарина в космос в 1961 году.

Нет, конечно, мы знали, что где-то есть такой американский гражданин Бил Гейтс, который покорила мир со своим «Windows», знали, что началась эпоха интернета, но это все было где-то там, далеко, а мы были где-то здесь, на окраине родины, в приграничной полосе, среди камышовых зарослей залива, кустов низкорослого боярышника и нескольких километров до железнодорожной станции с надписью «1317 километр».

Обычно, во время школьных контрольных по информа-

тике, я всегда решал сразу два варианта задания, один для себя, другой для Медведя. Но в этот раз, я справился лишь наполовину.

Результаты контрольной не заставили себя долго ждать. Зоя Семеновна проверяла работы мгновенно. Она брала в руки одну из контрольных, лежащих на учительском столе в стопке перед ней, бросала свой острый взгляд на алгоритм программы, изображенной на одинарном листке в клеточку, затем на фамилию ученика, и громогласно озвучивала оценку.

Когда дело дошло до труда Медведя, весь тот урок, мирно рисовавшего на своем одинарном листке в клеточку расплывчатого паука, знак электро-панк группы «THE PRODIGI», то Зоя Семеновна покрутила его контрольную в воздухе и спросила:

– Это вообще что?

Медведь, предчувствуя беду, вжался в парту.

– Это что? Я тебя спрашиваю! – на этот раз Зоя Семеновна обращалась уже не вообще к классу, а конкретно к Медведю.

– Это мозг Медведя, – глупо пошутил с последней парты Киля.

Класс взорвался смехом, а некоторые ученики даже стали дразнить Медведя и показывать на него пальцем. Реакция на слова Киля не заставила себя долго ждать. Своей длинной ручищей, прямо за соседнюю парту, Медведь, без особо-

го труда, отвесил говорливому однокласснику звонкую оплеуху.

Киля вскочил из-за парты и бесстрашно набросился на обидчика, я встал между воюющими и уже через минуту, все мы дружно были выставлены в коридор строгой учительницей информатики.

В коридоре, Киля, прислонившись спиной к крашеной до середины в зеленый цвет стене, произнес :

– Вот ты нервный, – сказал Киля Медведю.

– За языком своим следи, – насупившись ответил Медведь.

– Заверни клюв, тормоз, – огрызнулся Киля.

Подобная тирада продолжалась еще минуты три, до того момента, когда Медведь рванул к Киле, с все той же целью, наказать обидчика. Киля не растерялся, он отскочил от стены, раскинул руки в стороны, подобно крыльям аиста, и начал изображать кумира нашего общего детства, героя боевиков – Брюса Ли. Мне ничего не оставалось, как снова превратиться в рефери и встать между друзьями.

– Вы запарили! Хватит уже! – попытался притормозить я обоих товарищей.

– Я спокоен, задачи по информатике решать умею, – съязвил Киля.

– Что ты там умеешь, – обиженно ответил Медведь, – Умеет он, сопли распускать, малахольный.

После этих слов, уже Киля набросился на Медведя. Мед-

ведь хотел контратаковать оппонента ударом ноги, но Киля тут же обратился в бегство, и сразу врезался в завуча Зарецкую, мирно шагавшую в тот момент по коридору. Зарецкая из стойки на ногах, перешла в партер, лежачее положение, и уже через минуту, наша общая судьба сделала еще один логичный поворот, в результате которого, я, Киля и Медведь, очутились в кабинете у директора.

Константин Петрович, стоя у окна, молча выслушал рассказ о случившемся, по обыкновению заложил руки за спину, посмотрел на дикорастущие клены в школьном дворе и о чем-то серьезно задумался. Поскрипывая на расшатанных стульях, в ожидании решения своей судьбы, мы виновато склонили головы и принялись разгадывать замысловатое переплетения рисунка на красном синтетическом ковре директорского кабинета.

Наконец, Константин Петрович вернулся в себя и с философской ноткой в голосе бойко произнес:

– Драка возле вазона с фикусом – это не способ разрешения конфликтов. Правоту своей точки зрения нужно доказывать на уроке, знаниями, а не кулаками. Идите, и чтобы больше такого не повторялось.

Не отрывая своих взглядов от узорчатого директорского ковра, и скрипнув на прощанье стульями, мы покорно вышли из кабинета, и еще минут пять молча брели по коридору. Я шел по центру, Медведь справа, а Киля чуть-чуть отставал от нас слева.

– А ведь директор прав, – вдруг произнес я.

Медведь и Киля удивленно посмотрели на меня.

– В чем же? – переспросили друзья.

– В способе разрешения конфликта, – ответил я.

– Поясни??? – сказали они в один голос.

– Идея состоит вот в чем. Во время следующей контрольной по информатике, вы оба, складываете в общий котел обеденные деньги, и, совершенно естественно, тот, кто решает свой вариант первым, и максимально правильно, получает все, как моральную, так и финансовую победу, а проигравший – соответственно. Я же являюсь гарантом спора и хранителем финансового фонда, и получаю, скажем, десять процентов от суммы выигрыша, – закончил я.

Киля искоса посмотрел на меня и произнес:

– Денег мало, – сказал Киля.

– Боишься проиграть, – обратился к нему Медведь.

– Не сколько, просто предлагаю усовершенствовать идею и разрешить делать ставки на наше состязание всем ученикам класса.

Киля развел бурную деятельность. Сначала ставки пошли с последних парт, затем подтянулись и средние, первые парты остались безучастными к мероприятию, кроме отличника Мамочкина. Вопреки общей тенденции он вдруг решил сделать двойную ставку на Медведя, на что троечница Лаврентьева Лиза, активно симпатизировавшая Киле, ядовито заметила:

– Медведь не решит эту контрольную, даже если от этого будет зависеть его жизнь, – сказала Лиза и сделала ставку в десять рублей на Килю.

Время шло, состязание было назначено на конец недели. Никогда еще «10-В» класс так не ждал урока информатики. Кроме Медведя, при виде в моей тетрадке рейтинга ставок, он с каждым днем все больше и больше печалился. Класс явно отказывался верить в умственные способности парня. В среду, я даже заметил, как мой друг – Медведь, прятался в школьной библиотеке за цветастым задачником по информатике, предпринимая тщетные попытки подготовки к поединку. Что-то не ладное творилось в душе у спортсмена.

К намеченной дате все ставки были сделаны и соревнование началось.

– Сначала буду решать твой «вариант», а затем свой и все, победа у тебя в кармане, – подмигнул я Медведю, когда мы расселись за парты.

– Я сам буду, – вдруг неожиданно для меня произнес Медведь.

– Медведь, не тормози, – сказал я, – Мы же обо всем договорились.

– Я сам буду, я не тупой, – категорично ответил мне Медведь.

– Да не кто и не говорит, что ты тупой, просто... это... – пытался я реабилитироваться, но Медведь даже не посмотрел в мою сторону.

Зоя Семеновна начала диктовать условия задачи:

– Создать файл, содержащий информацию о лошадях ипподрома. Каждая запись содержит поля: кличка, возраст, жокей, количество побед и количество поражений, – произнесла Зоя Семеновна.

Я еще раз вопросительно посмотрел на друга, в надежде, что тот одумается, но Медведь сделал вид, что меня не замечает, и с серьезным лицом продолжил записывать условия задачи. Киля, напротив, ощутив мой растерянный взгляд на себе, подмигнул в ответ.

– Написать программу, – диктовала условия задачи Зоя Семеновна, – Выдающую следующую информацию: рейтинг побед, рейтинг поражений, возраст всех лошадей и самый результативный жокей.

Контрольная как началась, так и закончилась, и отличник Мамочкин, сидящий за первой партой перед учительским столом, по указанию педагога, отправился собирать наши работы.

– Все написал? – недовольно спросил я у Медведя.

Медведь пожал плечами и виновато отвернулся в сторону. Перед ним лежал беспощадно исписанный лист с задачей, которая так и не была решена.

Зоя Семеновна собрала работы и сразу же начала их проверять. Добравшись до листка Киля, она сказала:

– Килин. Ну тут все ясно. Артем, в следующий раз условия задачи три раза подряд можешь не переписывать. Одно-

го достаточно. Двойка Килин.

Весь класс посмотрел на Килю, но тот, в ответ только развел руками.

– Гогинцев, – произнесла Зоя Семеновна, взяв в руки мою работу, – Вижу, что писал, вижу, что не успел, не до конца Гогинцев, не до конца. Оценки у меня как известно только две. Какую будем ставить, а Гогинцев?

Я молчал, а учительница продолжила говорить:

– Информатика суровая и точная наука...

Зоя Семеновна заглянула в следующую работу, принадлежавшую Медведю, и внимательно с ней ознакомилась, затем опять обратилась к моей.

– Двойка Гогинцев, в следующий раз будешь успевать, – констатировала учительница, – А вот Азарнов молодец!!! Все правильно, твердая пятерка, можешь если хочешь Коля, можешь.

Медведь вопросительно посмотрел на меня, в ответ я только пожал плечами. В этот раз я, как и всегда решал два варианта контрольной, за себя, и за друга, которые и сдал на проверку, только вариант Медведя был в этот раз решён первым, ставки были слишком высоки, а свою задачу я так и не успел довести до конца.

Киля тоже пренебрег правилами игры и поставил на Медведя, через подставного ученика Мамочкина, который также, получил свою долю. Во всей операции «Тотализатор», ученик Мамочкин был ответственным за ликвидацию из об-

щей стопки контрольных работы Медведя. Впереди нас ждала – общешкольная олимпиада.

5. ПОДВИГ

В полуподвальном помещении, своеобразно переоборудованном под учебный класс, стояли разноцветные парты с наклоном, трехногие стулья с фанерными спинками, стенды, увешанные красными вымпелами «Будь Готов», «Лучшей бригаде ХТЗ от коллектива ВТЗ», и прочей геральдикой, делавшей кабинет «Трактороведения» самым уютным местом нашей поселковой школы.

Домашняя атмосфера этого подземелья, поддерживалась не только атрибутикой ушедших в историю времен, но и самим педагогом, добродушным седым бородачом – Сергеем Сергеевичем, сокращенно «СС» или «SS».

На своих занятиях, СС официально разрешал нам делать все что угодно, кроме шума. Тот, кто нарушал это священное правило, наказывался, он должен был писать конспект про трактор МТЗ-80, или беседовать с педагогом на любые отвлеченные от урока темы. Как и любой русский, Сергей Сергеевич, лучше всех разбирался в политике, футболе и кино. Кроме того, он был неплохо начитан газетами и журналами из школьной библиотеки, что давало ему неисчерпаемый источник тем для разговоров со своими учениками.

Из всего курса предмета «трактороведения», большинство из нас усвоило только основу, самое трудное занятие в жизни – это сидеть на стуле и ничего не делать. Мед-

ведь, был единственным из класса, кто, в отличие от остальных учеников, увлеченно пропитывал свой конспект любовью к тракторному делу, старательно вписывая в него предложения из учебника, и дотошно врисовывая туда черно-белые иллюстрации с разрезами двигателей, трансмиссий и коробок передач.

Среди неисчерпаемого количества достоинств ССа, был у него и один недостаток, повредивший в молодые годы его карьере стахановца-тракториста. Сергей Сергеевич пил горькую, пил по-черному, пил запойно, долго и много. Когда-то, еще во времена брежневской оттепели, Сергей Сергеевич внепланово и надолго ушел в один из таких кризисов, пропустив тем самым посевную компанию в колхозе, и по возвращению из своего маленького космоса, он попал прямо на «Товарищеский суд» – обязательное мероприятие для провинившихся работников того, уже далекого от нас времени.

И вроде все было как обычно, и все молчали, и все слушали, и все понимали, и даже каялись и клялись. Сергей Сергеевич, подобно нерадивому школьнику, стоял в строю вместе с другими коллегами по недугу и молча пытался визуализировать в своем сознании рассказ председателя колхоза, пытавшегося словами, передать собравшимся кинокартину «Кубанские казаки» режиссера Ивана Александровича Пырьева. Слушал СС про страну, основа которой партия, про закрома Родины, в которые партия вкладывает все свои

силы, про долг коммуниста, которому партия – мать родна, и вдруг, неожиданно для самого себя, достал из кармана партбилет, подошел к председательской трибуне и звонко положил этот документ на ее поверхность.

«Не верю! Все вранье! Не в эту партию я вступал!», – сказал тогда Сергей Сергеевич, так и не сумевший в своем воображении соединить воедино кинокартину «Кубанские казаки» и ту действительность, в которой он жил, и которую наблюдал своими глазами каждый день.

Может быть тогда СС неудачно вышел из запоя, может не вышел, или не умело вошел в колею трезвости, только это было для него уже совсем не важно. После совершенного подвига, Сергей Сергеича еще долго никто не хотел брать к себе на работу и он упорно продолжал пить горькую, пока по чьей-то милости не оказался в поселковой школе на небольшой зарплате с возможностью нелегальной подработки на школьном тракторе МТЗ-80.

С той поры прошло много времени, но привычки ССа не изменились. Наступила осень. Сергей Сергеевич получил от директора школы деньги на «солярку» для трактора и неожиданно исчез.

Чтобы не подводить педагога мы усердно продолжали посещать его уроки изо всех сил стараясь на них не шуметь, и по-прежнему, ничего не делать. Так бы и шла наша самоподготовка по «трактораведению», если бы вдруг, однажды, завуч Зарецкая не решила проверить боеготовность учени-

ков перед экзаменами.

Завуч Зарецкая обладала одной суперспособностью, она всегда появлялась вдруг, как бы из неоткуда, и всегда в самый не подходящий момент. В этот раз ее строгое выражение лица, одетое в очки с громадными линзами, обнаружилось сверху над кругом, составленным из наших короткостриженных голов, в тот самый момент, когда ученик Киля покерными картами выкладывал на парте свой победный «флеш-рояль».

Ученики расступились. Зарецкая молча протянула Килю открытую ладонь своей длинной худощавой руки. Киля вздохнул, обреченно сгреб со стола игральные карты и отдал их завучу.

– Где Сергей Сергеевич? – спросила Зарецкая у класса.

Класс молчал.

– И давно у вас нет занятий? – продолжила расспрос завуч.

– Только сегодня, – произнес кто-то из толпы.

– В общем так, разыщите, и передайте Сергей Сергеевичу, что если он не появится на следующей неделе в школе, то я отменяю ваш экзамен, будете выпускаться без удостоверения машиниста-тракториста, в конце концов у нас тут тоже, не ПТУ.

– Как без удостоверения! – вдруг оживился Медведь.

Медведь не участвовал в нашем покерном состязании, а все это время мирно писал конспект, одиноко сидя за пар-

той в углу кабинета «Трактороведения».

– Вот так, – сказала завуч Зарецкая и вышла из класса.

Из всего нашего звена школьных друзей, на поиски Сергея Сергеевича, естественно, хотел идти только Медведь. Ни я, ни Киля, не имели объективных причин для этого мероприятия.

Свои часы вождения трактора Киля давно уже проиграл мне в покер, а я, заблаговременно взвесив риски, обменял их Медведю на лишнюю неделю пользования нашим общим мобильным телефоном – «Эриксон 1018», с толстой черной антенной торчащей вверх и похожей на чей-то указательный палец. Таким образом, от поиска Сса выигрывал только Медведь, но дружба есть дружба.

Дом Сса мы легко обнаружили по припаркованному во дворе школьному трактору, который был наполовину перекрашен из синего в темно-синий цвет. Пригреваемый осенним солнцем, возле деревянного сарая с покосившейся крышей, царственно расположившись в когда-то снятом с «Жигулей» рваном автомобильном кресле, мирно дремал Сергей Сергеевич. Обнаружив отдыхающего педагога, мы с Килей вопросительно посмотрели на Медведя.

– Что и требовалось доказать, идем обратно, – произнес я.

– Может все таки разбудим? – произнес Медведь.

– Медведь, не думаю, что это хорошая затея, – предостерег я друга.

– Может, попробуем все-таки...? – не унимался Медведь.

Медведь умоляюще посмотрел на меня и Килю.

– Иди пробуй, тракторист! Сам нас сюда тащил. Зря что ли шли, – произнес Киля и начал карабкаться по колесу в кузов трактора МТЗ-80.

Забравшись в кузов, Киля выпрямился в полный рост, сладко потянулся и затем произнес:

– Может прокатимся хоть разок на этом пылесосе, – сказал Киля.

Я сел на ступеньку трактора и стал наблюдать, как Медведь осторожно подкрался к посапывающему Сергею Сергеевичу.

– Сергей Сергеевич, – сквозь зубы протяжно процедил Медведь.

– Так он ничего не услышит, ты громче, громче давай, – командовал Киля из кузова трактора.

– Сергей Сергеевич!!! – вдруг заорал Медведь.

В ответ Медведю, Сс безучастно издал протяжный храп.

– Ты ближе попробуй, ближе подойди, – не унимался Киля в кузове трактора.

Медведь вплотную приблизился к Ссу.

– Сергей Се.., – успел произнести Медведь.

– Киля, неееет... – прокричал я, наблюдая как гнилое яблоко, брошенное Килей из кузова трактора, врезается в голову Сергея Сергеевича.

Врезавшись в голову педагога, яблоко, подобно гранате разлетелось в разные стороны на мелкие осколки. От по-

лученного удара, Сергей Сергеевич откинул свою голову на подголовник автомобильного кресла, издав при этом протяжный храп.

– Ты совсем спятил! – заорал я на Килю.

– Я в Медведя хотел? – виновато произнес Киля.

– Дегенерат, какая разница в кого ты хотел! – крикнул я, а Медведь в это время, подобно молодой рыси, уже карабкался на крышу кабины МТЗ-80.

– Вешайся Киля!!! Не дай ему прыгнуть!!! – крикнул мне Медведь на весь двор и, как рестлер из восьмибитной компьютерной игры, прыгнул в кузов трактора.

Киля хотел спастись бегством и слезть по колесу трактора, но был остановлен обстрелом яблоками, который я прицельно вел по нему с земли.

Праведный суд Медведя был нарушен бормотанием, вдруг, проснувшегося Сергея Сергеевича.

– Завязывайте, Сергеич проснулся! – крикнул я Киле с Медведем.

Уже через минуту, мы сгруппировались возле Сергея Сергеевича. Окружили его со всех сторон, в попытке разобрать смысл произносимых им фраз.

– Подвиг... Где мой подвиг? – бормотал себе под нос Сергей Сергеевич, густо разбавляя свою речь непечатными словами.

– Сергей Сергеевич, здравствуйте, – дружно пропели мы в один голос.

– Вы, вы кто такие? – выжал из себя Сс.

– Это мы, ваши ученики, – пропели мы.

– Садитесь, – сказал Сергей Сергеевич.

Мы продолжали стоять, так как сесть можно было только на землю, а СС опять попытался абстрагироваться от нас, и сидя в кресле перевернулся на другой бок.

– Сергей Сергеевич, проснитесь, мы от завуча, от Зарецкой, – произнес я, теребя педагога за плечо.

– Мой подвиг, – ответил мне Сс.

– Какой еще подвиг! У нас экзамен будет или нет! – не выдержал Киля.

– Это сейчас, какой хочешь тебе, только деньги им на почте давай, а читать все равно нечего, а раньше... Где мой подвиг! – рявкнул Сергеевич в ответ Киле.

– Какой еще подвиг? Сергей Сергеевич, – спрашивал Сса уже я.

– Как какой? Мой подвиг? Мой? – кричал Сергеевич.

Из сарая с канистрой в руках появился Медведь.

– Тут полканистры солярки и в баке тоже есть. Может заведем технику? – предложил Медведь.

– А дальше что? – спросил я.

– Отгоним трактор к школе, спасем экзамен Медведя и все такое, – сказал Киля и затем пошел следом за Медведем к трактору.

Когда Медведь вынул весь хлам из кабины МТЗ-80, то стало ясно, что так просто, трактор мы не заведем.

– «Пускача» нет, – раздосадовано произнес Медведь.

– Чего нет? – интересовался Киля.

– Трос такой, чтобы завести трактор, – пояснил Медведь.

– Спроси у Сса про «пускач»! – деловито сказал мне Киля.

– Сергей Сергеевич, где «пускач» от трактора? – без особого энтузиазма спросил я у задремавшего учителя.

– Придешь за сельской молодежью, получать, она тебе твою сельскую молодежь и дает... подвиг..., – тихо ответил мне СС.

– Какая молодежь? Какой подвиг? Где «пускач»? – неожиданно крикнул в ухо ССу, подошедший к нам Киля.

– Мой подвиг! Где?! Я ее спрашиваю!!! Где!!! Ее... – продолжил свою тираду Сергей Сергеевич.

– Кого ее? Где «пускач» от трактора? – крикнул Киля в ухо Ссу.

– Зинку!!! Кого же еще!!! – ответил ему тот.

Я оттолкнул Килю от Сергея Сергеевича, так как больше уже не мог терпеть этот гестаповский допрос. Сергей Сергеевич продолжил что-то бормотать себе под нос, но если раньше, его бормотание было реакцией на резкие вопросы-выпады Киля, то теперь, эти послания больше напоминали мантру, звучащую без остановки, тихим сплошным гулом.

– Нет здесь «пускача» нигде, куда он только его засунул, – подытожил свое недовольство ситуацией Медведь, расхаживающий кругами вокруг трактора.

– Разговори его, ты же можешь, потяни за ниточку, – об-

ратился ко мне Медведь.

– Сам тяни, умник, – ответил я, но тут же пожалел.

– Где «пускач»?! – снова рявкнул Киля в ухо Ссу.

– Ладно, давай я, а ты принеси Сергеевичу воды из колодца, – сказал я Киле, сжалившись над педагогом.

– Сергей Сергеевич, вот вы приходите к Зинке, и, – начал я свои расспросы.

– На почту, а не к Зинке... я прихожу... Нужна мне твоя Зинка..., – с затухающей амплитудой громкости выдал мне Сергей Сергеевич.

– На почту? Зачем? – настойчиво спрашивал я, теребя за рукав изрядно промасленной телогрейки, засыпающего Сса.

– За сельской молодежью. А подвига то и нет! – громко крикнул СС, сделав яркий акцент на слове «нет».

– И вы..., – продолжил я свой нежный допрос.

– Где мой подвиг! Бесплатный подвиг? – вдруг опять разошелся Сергеевич.

– А Зинка? – пытался я еще больше раззадорить Сса.

– Она молчит, краснеет, глазками бегаёт по прилавку, загляните на неделе, загляните на неделе, – произнес Сс.

– Иии..., – протяжно процедил я.

– И ничего, сама, наверное, уже мой подвиг кому-то отдала. А где его взять? Нигде не купить!!! Хрен тебе, а не подвиг, – произнес Сс.

Я взял из рук у подошедшего Кили ведро воды, и поднес

интервьюируемому. Сергей Сергеевич стал жадно пить воду.

– Ну что? Узнал где «пускач», – спросил меня Киля.

– Еще нет, но первый шаг пройден. Он все про какой-то подвиг, Зинку и почту мне поет.

– Тетя Зина Петрова, с почты, на почте работает, – вдруг неожиданно сообразил Киля.

– Точно. А «Сельская молодежь» – журнал такой раньше был, тогда все правильно, – вложил я свой пазл в разгадку ребуса загаданного нам Сергей Сергеевичем.

– Тетя Зина и сейчас там работает, – сказал Киля.

– А что за подвиг тогда? – спросил я.

– Да, какая разница, «пускача» все равно нет, – добавил подошедший к нам Медведь.

Сергей Сергеевич допил из ведра воду и вместо того, чтобы взбодриться, отключился. Проверив пульс Сергея Сергеевича, мы отнесли учителя, вместе с автомобильным креслом, прямо в дом, дверь которого почему-то оказалась не запертой.

– Ну, что, по домам, без «пускача» все равно не заведем технику? – довольно произнес я.

– Можно еще с «толкача» попробовать, – предложил Медведь.

– Точно, улица под уклоном, нам только из двора вытолкать, а дальше он и сам пойдет, – воодушевился Киля.

– Киля! Угомонись! – пытался я облагоразумить друга, но все было бесполезно.

Вытолкав с невероятными усилиями трактор из двора на улицу, в кабину решено было посадить меня. Киле Медведь не доверял, а сам сесть за руль никак не мог, так как восемьдесят процентов усилий по перемещению трактора принадлежало именно ему.

Медведь и Киля протолкали МТЗ-80 через пол улицы прежде чем обнаружили абсолютную несостоятельность идеи. Двигатель трактора молчал. Я вылез из кабины, а Медведь принялся колдовать над техникой, попеременно то откручивая, то опять закручивая всевозможные винты и гайки на силовом агрегате трактора.

– Медведь, может хватит на сегодня экспериментов? – обратился я к другу, но тот, вместо того чтобы ответить, только недовольно отмахнулся рукой.

Попытка завести трактор повторилась еще раз. Повезло больше, двигатель чихнул и опять затих. Медведь снова откинул защитный кожух силового агрегата, и снова нырнул под двигатель трактора.

– Медведь?! Короче я домой, – начал канючить я, предчувствуя беду.

– Давай еще раз и все, по домам, – обратился ко мне Киля, наблюдая мою тревогу.

Киля был прав, третья попытка удалась, и вторую половину улицы, наш МТЗ-80 действительно прошел легко. Впившись двумя руками в обмотанную синей изолентой баранку, я пытался удержать несущийся по грунтовой дороге трак-

тор. Через грязное лобовое стекло на меня смотрели расширенные глаза Медведя, который уже не пытался спрыгнуть на обочину дороги. Киля ехал на крыше кабины, вцепившись в нее всем чем только можно было вцепиться.

Трактор летел с горы набирая скорость, а я все бил, и бил, двумя ногами по одеревеневшей педали тормоза. Наконец, техника дернулась, мотор взревел, а дорога закончилась, и, сломав деревянный забор в конце улицы, мы дружно полетели с обочины вниз, пока не приземлились в болото.

Школьные дни остались позади. Килю с Медведем забрали служить в армию, а мне удалось поступить в областной университет. Однажды, приехав на выходные домой, я зашел в местное отделение почты и услышал диалог между работниками этого учреждения:

– Ну, и что делать с его пенсией? – возмущалась одна сотрудница.

– Что, прямо никого у него не осталось? – спрашивала у нее другая.

– Никого, – отвечала третья.

– Ни детей, ни внуков? Зинаида Львовна? – спрашивала первая.

– Ни жены, ни детей, ни внуков, всю жизнь проработал в школе, – повторила Зинаида Львовна, возвратившаяся из подсобного помещения с посылкой в руках.

– Здравствуйте тетя Зина! Я за бандеролью. Пришла? –

произнес я.

– Здравствуй, – ответила мне тетя Зина голосом не содержащим в себе никаких эмоций.

– Так, а что мне с его пенсией делать? А? Зинаида Львовна? – спросила подчиненная тети Зины.

– Положи ее пока в конверт, на конверте напиши «Сергунов С. С.», – ответила тетя Зина.

Зинаида Львовна ушла в подсобное помещение за посылкой. Рядом со мной, за прилавком, морщинистый пенсионер заполнял какой-то бланк и разговаривал сам с собой. На пенсионере была выцветшая сетчатая кепка с орлом и гордой надписью «USA».

– Сейчас все так, включишь телевизор, а там мужик в пиджаке, интересно так рассказывает, а потом, как запоет, – крихтя произнес пенсионер, – Думаешь, во певец, а это депутат государственной думы. Во как!

– Держи, – тетя Зина протянула мне посылку.

– Зинаида Львовна, как его фамилия, еще раз? – переспросила подчиненная тети Зины.

– Сергунов С. С., в бланке у тебя все есть, – ответила тетя Зина.

– С Сергеем Сергеевичем что-то стряслось? – спросил я.

– Умер твой Сергей Сергеевич, – ответила тетя Зина.

– Как умер? – спросил я.

– Обыкновенно, как все умирают, – ответила тетя Зина, затем после паузы добавила, – А какой красавец в молодом

сти был, стройный, руки золотые, стахановец, весь поселок за ним бегал, а вот оно все как обернулось, как жизнь то закрутила...

– Страну развалили, колхоз развалили, рыбоконсервный комбинат сначала разворовали, а потом и тот развалили, родину продали, – произнес пенсионер в кепке с надписью «USA», и затем спросил, – Зинка, где тут нужно расписываться теперь?

Зинаида Львовна пальцем указала пенсионеру на графу для подписи, посмотрела на меня, и сказала:

– Помню, придет на почту, журнал он выписывал такой «Сельская молодежь». А мы с девчонками второй журнал, который бесплатно прикладывался, с названием таким еще дурацким... ну этот...

– Подвиг? – произнес я.

– Да, он самый, – удивленно ответила тетя Зина, – Значит мы этот «Подвиг» спрячем, а сами говорим мол потеряли, и потом решаем, кто вечером его мамке домой отнесет. Чуть ли не до драки доходило, а вот оно все как в жизни у Сережи обернулось... как все закрутило...

6. ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОГО ЗАБОРА

Решетка за которой спрятали крохотное стеклянное окошко контрольно пропускного пункта – КПП, была выполнена из круглой металлической арматуры в виде лучистого солнца, и от полукруга, в правом нижнем углу, тянулась своими прутьями к основанию оконной рамы.

Я постучал в этот зарешеченный иллюминатор, окошко открылось.

– Килина позови, – произнес я.

Окошко закрылось. Ступеньки к окошку были сделаны очень высоко, а само оно находилось очень низко, и чтобы увидеть того, кто был по другую сторону решетки, необходимо было согнуться пополам, как бы отдавая дань учреждению.

– Нет такого, – произнес голос из вновь открывшегося окошка.

– Есть, ищи лучше, – ответил я и стал ждать, прислонившись плечом к кирпичной стене КПП.

Эта, на первый взгляд, обыкновенная стена, на самом деле, скрывала за собой целую вселенную, которая пряталась здесь по очень простому, матрешечному, принципу. Матрешка другого мира находилась по ту сторону забора, ров-

но за Контрольно Пропускным Пунктом с зарешетчатым окном. С одной стороны этого забора, по тротуару неспешно разгуливали прохожие, с другой, чеканили по асфальту кирзовые сапоги и доносилось гулкое: «Расскажи о чем задумался солдат, может вспоминаешь в поле росы, край родной, да яблонь белый сад, и сиренью пахнувшие косы.»

Из-за туч, с гражданской стороны забора, в небо выглянуло солнце и день превратился в весенний, от чего на душе сделалось еще более паршиво. Наконец, дверь КПП отворилась и на крыльцо вышел мой школьный друг – Киля, младший сержант, уже успевший к этому времени дослужиться до рядового. Военная карьера Кили, по простым причинам, с первого дня своей службы все время стремилась по ступенькам служебной лестницы не вверх, как это положено, а вниз. На плечах у Кили была накинута армейская шинель серо-зеленого цвета, а на его лице были явные признаки недосыпа. Я вынул из кармана рюкзака несколько пачек сигарет и протянул их другу. Киля взял только две.

– Остальное лучше в следующий раз, – сказал Киля.

– Как у тебя дела? – спросил я.

– Да, какие тут могут быть дела, полигона ждем. Одна большая новость. Как сам? Как учеба?

– Да, так, – неопределенно произнес я, и затем продолжил, – А, да, я тебе еще «мобилу» принес, аппарат конечно убитый, но батарея вроде держит.

Я начал рыться в рюкзаке в поисках подарка, а Киля спро-

сил:

– Что-то ты брат исхудал на гражданке. Работаешь где сейчас?

– Типа того, – опять неопределенно ответил я, – С универа отчислился на днях.

– Чего так, ты же вроде не планировал? – спросил Киля.

– Киля, реши задачу, – предложил я.

Киля удивленно посмотрел на меня, а я продолжил:

– Студент физико-технического факультета должен с утра до вечера быть в университете, иначе его отчислят, стипендия у такого студента, десять долларов, общежитие ему не положено, так как в условиях задачи сказано, что живет он слишком близко от университета, на расстоянии тридцати километров, а нужно жить на расстоянии семидесяти, при размере области-острова где-то радиусом в триста. Доплата к стипендии, нашему студенту, как малообеспеченному, составляет еще тридцать долларов, а на месячный проезд из города «N» в город «K» он тратит сто долларов. Вопрос: сможет ли на эти деньги прожить студент в городе «K»?

– Ну, если будет питаться вместо еды солнечной энергией, как Порфирий Иванов, то возможно и сможет, – улыбнулся Киля.

Я тоже улыбнулся в ответ и сказал:

– Правильно, так как сто вычесть сорок, получается шестьдесят долларов, которых не хватает на дорогу из города «N» в город «K», да плюс, а точнее минус, еще нужно

на что-то питаться, и во что-то одеваться. Вот и получается, что ничего не получается.

– Понятно, – задумчиво произнес Киля, – А если подрабатывать где?

– Да, кому ты нужен? Не в Нью-Йорке живем. Где ты подработаешь? – ответил я, – Наподрабатывался уже за два года, кидалово одно везде. Со стройки деньги до сих пор жду, а другие работки у меня такие, что кони двинуть можно. Надоело все.

– Понятно, – произнес Киля, – Может с универом все таки поспешил?

– А какой смысл. Какой из меня физик? – ответил я, – Да и сколько уже можно этот жир грузить.

– Какой еще жир? – переспросил Киля.

– Обыкновенный, по двадцать килограмм брикет. Ночь на станции вагоны грузишь, если до утра дотягиваешь, то деньги дают. Если не выдержал, то все досвидос гонорару, такая вот у меня сейчас работа, чтобы на учебу ездить, романтика блин, – ответил я.

– Хуже чем в армии, – задумчиво произнес Киля, затем добавил, – Дела.

– Не говори, но ладно о грустном, прорвемся, – сказал я и достал из рюкзака изрядно потертый мобильник.

Киля взял телефон и сказал:

– За «мобилу» тебе отдельное спасибо, – Киля похлопал меня по плечу, и затем нажал кнопку включения мобильного

телефона.

Телефон выдал скромную мелодию.

– Особенно за полифонию, – добавил Киля.

– Тут ее нет, – ответил я, и тоже похлопал друга по плечу.

Мы оба улыбнулись.

– Ты это? – спросил Киля, – В следующий раз когда приедешь?

– Думаю через недельку заскачу, – ответил я, – Звони теперь если чего надо, подвезу. От Медведя тебе «респект» кстати, на той неделе к нему в «автобат» заезжал.

– Уважуха, – сказал Киля, – Как он там?

– Так же, как и ты здесь, служит, – ответил я.

7. СТАНЦИЯ СОРТИРОВОЧНАЯ

Еще со старого немецкого моста с могучими железными дугами, что нависал над черной паутиной, сплетенной из рельсов, шпал и железнодорожных фонарей, можно было легко наблюдать, как к серой бетонной платформе, рядом с которой покоилась вереница блекло-красных, местами ржавых, товарных вагонов, подобно муравьям в муравейник, стекалась людская толпа.

Я спустился под мост и зашагал вдоль железнодорожных путей по разбитой булыжной дороге. Через десять минут мои ноги достигли пункта назначения, а перед глазами открылась следующая картина.

Неподалеку от платформы, возле сваленных грудой строительных плит, потрепанный жизнью худосочный интеллеktуал, лет шестидесяти, переодевался в старое синее трико с вышитым на груди гербом «Союза Советских Социалистических Республик». Этот пенсионер снимал с себя свой заношенный пиджак черного цвета, галстук, и, такую же выцветшую от времени, синюю рубашку, наряд, который этим днем не принёс ему лучшей работы, чем та, которая ждала всех нас впереди. Недалеко от пенсионера, на бордюре перрона, сидела группа крепеньких подростков лет 17-ти. Один из этих ребят, рыжеволосый крепыш, похожий на случайно выпавшего с лошадиной повозки крестьянского сына, задум-

чиво грыз яблоко.

Собравшихся около платформы людей было где-то человек сто. Каждый расположился кто как смог. Кто-то сидел на земле, кто-то стоя покуривал дешевенькие сигареты, кто-то поглядывал на наручные часы, а кто-то, облокотившись о фонарный столб печально смотрел в сторону булыжной дороги. Основную массу пришедших составляли мужчины средних лет. Кое как одетые, обросшие щетинами и бородами, они, как грязные воробьи сбились в серую кучу в предвкушении начала работы.

Через пол часа ожидания, со стороны дороги, послышался звук автомобиля, неспешно едущего по ухабистой брусчатке. Похоже было на то, что водитель никуда не спешил и со знанием фарватера аккуратно объезжал выбоины дороги. Через какое-то время, в поле зрения показался и сам автомобиль. Это был новенький пикап «Митсубиси L-200», который деловито зарулил прямо в толпу собравшихся.

Из машины выпрыгнул низкорослый лысый человек плотного телосложения, похожий на злого гнома, одетого в добротную кожаную куртку. Толпа с вопрошанием тут же окружила гнома, а он, не обращая ни на кого никакого внимания, подобно линкору, разрезающему морские волны, деловито зашагал к одному из товарных вагонов.

– Расступитесь! – сказал гном подходя к вагону и открыл его створки, – Стали, стадо баранов!

Люди расступились, и властелин толпы ловко запрыгнул

в вагон, затем развернулся лицом к собравшимся и начал вещать:

– Фуры будут подъезжать прямо сюда, так что так, доходяги, берем коробки и складываем их туда, в вагоны, – сказал гном и жестом руки указал внутрь пустого вагона, – Двое сверху с машин подают, остальные принимают и носят. Все ясно?

– Сколько платишь? – спросил кто-то из толпы.

– По семьсот на руки, как в объявлении, – ответил гном, – Деньги утром, но только тем, кто останется до конца, сразу говорю, никаких авансов, перекуров, и прочей херни. Все ясно?

Люди молчали. Тогда властелин толпы повторил еще раз свой вопрос:

– Я спрашиваю, все ясно!

– Сколько фур разгрузить нужно? – спросил рыжеволосый крестьянский сын и выкинул в сторону огрызок яблока.

– Столько, сколько нужно будет, – ответил гном, – Еще вопросы?

– Обед будет? – выкрикнул из толпы какой-то замызганный гражданин с пропитым лицом и взъерошенными волосами на голове.

– Посмотрим, если успевать будете, – ответил гном.

– Денег на обед то дашь? – спросил из толпы высокорослый бородач в тельняшке.

Толпа засмеялась, а гном пристально посмотрел на боро-

дача и с вызовом произнес:

– Может за тебя еще и разгрузить все это добро?! Еще раз объясняю, для тупых, то есть для вас олени, деньги получите не раньше, чем закончатся машины. Не надо ныть и клянуть, кто не остается грузить до утра, тот остается без зарплаты. Ну, все, за работу, – скомандовал гном и спрыгнул с вагона на землю.

Время перевалило уже за полночь, а фуры все никак не хотели заканчиваться. Они приезжали по булыжной дороге одна за другой, проседая под тяжестью своих грузов. Машины подходили с интервалом где-то в двадцать минут. Если случалось так, что мы не успевали разгрузить предыдущий грузовик, до приезда следующей фуры, то гном торопил нас всех матом, пытаясь, таким образом, ускорить процесс.

С каждым часом грузчиков становилось все меньше и меньше, а двадцатикилограммовые коробки, что мы таскали, становились все тяжелее, и бегать с ними приходилось все быстрее, и быстрее.

– Грузим, какую-то дичь, – сказал мне рыжеволосый крестьянский сын, закидывая подобно баскетбольному мячу коробку с жиром на верхний ярус пирамиды, сооруженной внутри вагона из других аналогичных коробок.

– Какая разница что грузить, – ответил ему я и поставил коробку на железный пол вагона.

– Не скажи, – возразил крестьянский сын, – Грузили бы что-нибудь нужное, то можно было бы прихватить с собой

коробочку какую, а этот жир, кому он только нужен.

– Так бы ты и прихватил на глазах у этого цербера из L200, – возразил я и посмотрел на этикетку на коробке, где была, до этого момента ни разу меня не беспокоящая надпись: «Сухой растительный жир в порошке».

– Ну, не прихватил бы, так здесь поел тогда, на той неделе горошек в банках грузили, так и сами наелись, да и вообще, тебе кстати горошек не нужен? В банках? – спросил у меня крестьянский сын по дороге к грузовикам.

– Нет, не нужен, – ответил я, – Мне деньги нужны.

– Деньги всем нужны, – ответил крестьянский сын, и затем добавил, – Ты бы не усердствовал так с коробками, а то до утра не дотянешь.

– Не учи ученого, – ответил я, и взвалил себе на плечо очередной ящик с жиром.

На станции «Сортировочная», я был давно уже не новичок, и прекрасно знал, что грузить коробки с жиром, это совсем не фитнес, а скорее марафон на выживание. Отличие от спортзала очень простое, там ты выкладываешься за полтора, два часа, и идешь счастливый в душ, а здесь, твоя главная задача беречь свои силы всеми возможными и невозможными способами, иначе не видать тебе утром денег. Там – «быстрее, выше, сильнее», а здесь, надо действовать, как однажды заповедовал нам герцог Уинстон Черчилль, который сказал:

«Я никогда не стоял, когда можно было сидеть, и никогда

не сидел, когда можно было лежать.»

Наступило утро, уцелевшие из нас расположились на земле возле фонарного столба в ожидании, когда работодатель отпустит водителя крайней фуры и примется выдавать зарплату. Из толпы, где-то в сто человек, что была еще вчера вечером, сегодня, нас осталось всего тридцать. Крестьянский сын достал из своего рюкзака очередное яблоко, зажал его между своих огромных ладоней, лихо сломал пополам, и затем протянул мне половину фрукта. Я молча взял яблоко, кивнул крестьянскому сыну в знак благодарности, и откусил небольшой кусок. Казалось, что желудочный сок расщеплял яблоко на молекулы еще в пищеводе, и оно таяло по пути, так и не успев достичь недр желудка.

8. БАЛАБОЛ-ФМ

Полулежа на дощатом сидении пригородного дизель-поезда, я ехал домой и слушал Килин плеер, который тот оставил мне на сохранение перед армией. В полутьме, за окном, под музыку давно уже сошедших со сцены рэп-исполнителей, проносились облака, мигающие огоньками переезды, дома, шлагбаумы, поля, фонари и иногда беззвучно лающие собаки.

Мой поезд несся, набирая скорость, а я все смотрел на эти унылые пейзажи и думал, что совсем не о такой жизни мечталось в школе, точно не о такой. В детстве, казалось, что все еще впереди, и все тебя ждет, и приглашает в гости, а пришло это «впереди» и ты очутился в положении туриста, в стране, где все двери открываются ключом с названием «деньги». Ты как бы есть, но тебя, как бы и нет, ты лишний, не предусмотренный, ненужный.

Поезд остановился на одной из промежуточных станций. Я открыл газету с вкладкой «работа» и начал прочесывать одну за одной колонки с вакансиями.

В центре страницы мой взор уткнулся в рекламный слоган:

– «Вы молоды, общительны, уверены в себе?» – спрашивала газета.

– Да, – уверенно ответил я.

– «Мечтаете реализовать себя в жизни?» – переспрашивал слоган.

– Да, – повторил я еще раз.

– Пройдите кастинг на должность ведущего эфира радиостанции «БАЛАБОЛ-ФМ». Возраст участников от 20-ти лет», – было написано мелким шрифтом под размашистыми буквами слогана.

Мне было девятнадцать, из-за постоянного недоедания выглядел я на шестнадцать, но все же решил действовать, решил, что это мой счастливый билет, и в третий раз ответил газете:

– Да!!!

Желающих устроиться на радио было много. Люди заполнили коридор радиостанции прямо от лифта и до двери с табличкой «кабинет #1», где и проходило предварительное собеседование с соискателями. Чтобы не задохнуться в общей очереди собравшихся, я вышел в коридор, где меня поджидал сюрприз в лице изящной рыжеволосой девушки, которая стояла о чем-то задумавшись и смотрела в окно. Девушку я узнал сразу, а вот она меня похоже не очень сразу.

– Сигарета есть? – спросила девушка, толком даже не взглянув в мою сторону.

Я нервно начал рыться в рюкзаке, достал из него пачку сигарет, предназначавшуюся еще вчера Киле, затем протянул ее девушке.

Девушка открыла пачку, взяла из нее сигарету и протяну-

ла мне ее обратно. Тут мы и встретились.

– Привет, – сказала Лера, затем улыбнулась и почему-то добавила, – Я бросаю... уже...

Я тоже улыбнулся. Затем немного помедлив, Лера, вдруг, обняла меня, и я неожиданно сделал для себя открытие №1. Точнее будет сказать, что в тот момент, это открытие №1 сделало меня, поразив как удар молнии поражает безжизненное дерево.

– Как поживаешь? – спросила меня Лера, а я все стоял как вкопанный и смотрел на девушку.

Наконец, опомнившись, я неопределенно пожал плечами в ответ ни проронив при этом ни слова.

Леру я не видел почти два года. После окончания школы она поступила на «журфак» нашего областного университета, переехала жить в город, и выпала из поля зрения всех одноклассников. За эти два года девушка превратилась в настоящую леди, ее формы округлились, а в голосе появились незнакомые мне ранее, чарующие нотки, которые обычно проскальзывают в разговорах у людей близких к вокалу или телерадиоэфирам.

– Ты здесь работаешь? – спросил я девушку.

– Нет, я на кастинг, – ответила Лера.

Дождавшись своей долгой очереди в мир счастья, я заполнил анкету и уяснил себе правила игры, предлагаемые радиостанцией.

Оказалось, что чтобы победить и получить заветную ра-

боту ди-джея, мне нужно было пройти три испытания. Затем попасть в десятку победителей, а из этой десятки уже перебраться на первое место, и тогда работа моя.

Старт был дан, марафон начался, вызов был принят. Первое задание, которое я получил на радио, называлось – «РЕПОРТАЖ». К заданию прилагался лист бумаги с напечатанной на ней подробной инструкцией.

Выучив наизусть все пункты этой инструкции, я отправился в гараж к Медведю, с которым у нас была назначена встреча в честь его «увольнительной» из воинской части.

Медведь сидел в кресле без одной ножки, функции которой последние десять лет исполняло автомобильное колесо, и зачитывал вслух лист с моим радиийным заданием:

– Пункт первый, – произнес Медведь, – Герой.

– Ну, это тот, о ком нужно делать репортаж, – сказал я и нанес сокрушительный прямой удар рукой по брезентовому мешку с песком, болтавшемуся у Медведя в гараже на веревке вместо боксерского.

– Пункт два, сюжет, – задумчиво произнес Медведь.

– Ну, это типа... О чем? – сказал я, нанося по мешку левый свинг своей левой рукой.

– Тема? – произнес Медведь, – Пункт три.

– Это типа, вопрос исследования, – ответил я, и провел изящный бэкфист все по тому же брезентовому мешку.

– Какого еще исследования? У меня «увал» до вечера, – попытался ускользнуть от своей судьбы Медведь.

– Вижу, ты готов, – сказал я, сделал шаг к верстаку, и нажал на обмотанном изолентой магнитофоне кнопку «Рекорд».

После того, как выносной микрофон с надписью «Весна-214» издал протяжный свист, я поднес его к своему рту:

– Раз, два, три, проверка, ваше имя, звание, номер части, – произнес я и затем уверенно ткнул микрофон в лицо растерявшемуся Медведеву.

– Имя хотя бы можно вымышленное? – обреченно спросил тот.

– Не в коем случае, – ответил я голосом бывшего журналиста, – Это все испортит. Мне важна достоверность.

С первым заданием удалось справиться. С подачи Медведева, репортаж под названием «Что такое армия» получился живым, и на радио всем понравился. Кроме того, качество записи было настолько плохим, а наши голоса с Медведевом настолько похожи друг на друга, что редактор радиостанции решил, что на записи говорит один и тот же человек, играя сразу двух персонажей.

– Очень по-настоящему, – отметил редактор радиостанции, – Учитесь где-то актерскому мастерству?

– Нет, но готовлюсь поступать в творческий ВУЗ, – уверенно соврал я.

Первый шаг в мир шоу-бизнеса был сделан, но это было не главное, а главное было – Лера. Ее имя я видел в списках людей, так же, как и я, прошедших первый этап кастинга,

и именно поэтому, теперь, я сидел на подоконнике и ждал появления девушки в этом длинном коридоре с пластмассовыми дверьми аккуратно рассредоточенными по обеим стенам. Наконец, мое ожидание было вознаграждено. Двери лифта открылись, и прекрасные женские ножки, в туфлях на высокой платформе, шагнули на грешный сосновый паркет радиийного коридора.

– Привет, – сказала Лера, увидев меня.

– Привет, – ответил я и снова завис, глядя на девушку.

На Лере была короткая широкая юбка со складками из какого-то неведомого мне загадочного материала, и плотно облегающий все ее женские прелести черный топ с изящными переплетами полосок ткани в районе талии.

– Все в порядке? – спросила Лера.

– Да, все отлично, – ответил я, – Ты прекрасна...

Лера улыбнулась, затем посмотрела мне в глаза, и еще раз улыбнулась.

– Давно ждешь? – спросила Лера.

– Да, нет, только вышел оттуда, – соврал я и показал на дверь с надписью: «кабинет #1».

На самом деле, я торчал здесь уже часа два, как солдат почетного караула рядом с вечным огнем.

– Я видела списки, – сказала Лера, – Тебя можно поздравить, ты прошел.

– Не только я, – ответил я, – Поздравляю тебя.

– Спасибо, – сказала девушка.

– Может отметим нашу победу? – предложил я Лере, – Не каждый же день такое происходит.

– Какое? – переспросила девушка.

– Самое настоящее, Победа!!! – не зная, что сказать, выдал я.

– Ты, как будто Рейхстаг захватил, – улыбнувшись сказала Лера, – Весь прямо светишься.

– Еще не захватил, точнее наоборот, – улыбнулся я.

– Рейхстаг захватил тебя? – с ухмылкой спросила Лера.

– Да, при чем здесь Рейхстаг? Просто хотел тебя увидеть и пригласить куда-нибудь, – сказал я, – Куда ты хочешь сходить? Только скажи?!

– Куда пригласишь? – улыбнулась в ответ Лера.

– Тогда идем, – радостно произнес я.

– Идем, – ответила Лера, и затем спросила, – Можно, я только в редакцию загляну, они все-таки вызывали.

– Да, да, конечно, извини, – сказал я, и открыл перед Лерой дверь с надписью: «кабинет #1».

Через полчаса мы сидели друг напротив друга в мягких креслах кафе «Пингвин», потягивая из трубочек глинтвейн и слушали в Килином плеере запись репортажа «Что такое армия». Один наушник-затычка был в моем ухе, другой был у Леры. Моя рыжеволосая подруга то смотрела на меня, то просто смотрела, а я любовался только ей, и еще раз ей. Когда запись в плеере закончилась, Лера отдала мне наушник и мы заговорили сначала о Медведе, а потом разговор зашел

и о Киле.

– Твой Киля, всегда какой-то сумасшедший был, – сказала Лера, – Без царя в голове, наверное, таким же и остался.

– Зато он смелый, – произнес я, – И ты ему всегда нрави-
лась.

– А он мне нет, – сказала Лера, и затем добавила, – Отсут-
ствие мозга, и смелость – это не одно и то же. Вот ты, разве
не смелый?

– Я, по-разному, – неуверенно произнес я.

– Зато, ты всегда был красивый и умный, и сильный вон
какой стал, – видя мое смущение Лера снова улыбнулась
и провела ладонью своей руки по моему бицепсу.

Я смущенно уронил свои глаза на стол, так как абсолютно
не знал, как в таких случаях нужно правильно реагировать.
За два года погрузки и разгрузки вагонов с жиром на стан-
ции «Сортировочная», и отработки ударов на брезентовом
мешке с песком в гараже Медведя, мои бицепсы налились
силой, а тело окрепло и стало жилистым, как у Брюса Ли,
но это обстоятельство совсем не добавило мне уверенности
в открытии #2, которое я совершил в тот самый момент, си-
дя за одним столиком с Лерой.

Открытие #2: *«Мужчина всегда ведет себя как идиот, ко-
гда влюблен по-настоящему»*. Вот если не влюблен, то тут по-
жалуйста, можно легко и непринужденно балаболить с шут-
ками и смехом, а как влюбился, так и двух слов в узел не свя-
зать.

На деньги оставшиеся от посещения кафе «Пингвин», я посадил Леру в такси, а сам отправился домой пешком. Все автобусы и поезда давным-давно уже ушли, поэтому мой путь пролег маршрутом вдоль автомобильной трассы из города «К» в поселок «N». Идти было тридцать километров, но я не шел, я летел по дороге, подобно раскаленной ракете, обгоняя задержавшиеся в городе редкие ночные автомобили, везущие уставших пассажиров из города «К» в город «N». На небе светила луна, а птицы на деревьях пели песню Битлз «I love her». Ноги отсчитывали километры, а в кассетном плеере уже давно закончились батарейки и рэп.

И все-таки я поймал за хвост свою птицу удачи, жизнь налаживалась. Вот оно счастье, совсем близко, я уже слышу его шаги. Лера!!! Лера!!! Лера!!!

9. ВТОРОЙ ТУР

Задание второго тура кастинга называлось «ИНТЕР-ВЬЮ», и заключалось оно в том, чтобы взять интервью у социально значимой персоны, которую нужно было при этом, каким-то образом, еще и затащить в студию. Как это делается и с чего нужно начинать в аналогичных ситуациях, я понятия не имел, собственно, как и не имел никакого опыта в журналистике.

К моменту прохождения кастинга, круг моих знакомств в городе «К» был довольно обширен. На девятнадцатый год своей путанной жизни я знал многих людей: прораба Семенича, продавщиц Таню и Лену, местного «бомбилу» – Серегу, тракториста – Виталика, наркомана – Зайца, автоугонщика – Леху, но ни один из всех этих людей не был хотя бы сколько-нибудь социально значимым, а скорее даже наоборот.

– «Да и кто из серьезных людей согласится записывать интервью, которое никто никогда не услышит и не увидит», – наивно думал я, сидя на скамейке в парке недалеко от Центрального Рынка города «К».

В голове все крутилось слово «социально», «социально», «социально» и вдруг, бинго, в памяти всплыла аббревиатура из трех синих букв на белом фоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.